

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12905

EDN: CZDJBY

Мотив искушения в творчестве Л. М. Леонова 1920-х годов

А. О. Задорина

*Сибирский федеральный университет
(г. Красноярск, Российская Федерация)*

e-mail: amaltea-20x@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирован мотив искушения в раннем романном творчестве Л. М. Леонова, сочетающем эстетику символизма с соцреалистическим дискурсом. Этот мотив восходит к текстам Священного Писания. Автор исследования выделил и проанализировал компоненты сюжета об искушении Христа в пустыне и сопоставил с их вариантами в текстах Л. М. Леонова. Акцент сделан на вариантах искушения гордыней и властью и на связанных с ними мотивах падения/полета, образах бездны и демона-искусителя. В процессе анализа были выявлены внутренние связи исследуемого мотива с другими библейскими сюжетами (о Вавилонской башне, о наречении имен, о блудном сыне), что позволило судить о специфике художественного замысла. Обнаружено, что, несмотря на очевидную опору писателя на библейский сюжет: через косвенное и частичное цитирование, повтор действий и т. п., — Леонов в значительной степени отклоняется от самой тональности религиозного дискурса, заменяя ее на ироническую, что осуществляется при помощи травестирирования, гиперболизации, гротеска. Однако ряд художественных инноваций автора в обработке сюжетов Священного Писания все равно сохраняет связь с первоисточником. В результате этого текст прочитывается и распознается знающим читателем через аллюзии, реминисценции, вариации на тему претекста. Все это становится проводником к одной из ключевых идей в леоновском творчестве — идее познания.

Ключевые слова: Л. М. Леонов, библейский текст, притча, самопожертвование, мотив, мотив искушения, мотив испытания веры, мотив изобилия, мотив сна, мотив строительства, образ искусителя, ирония

Для цитирования: Задорина А. О. Мотив искушения в творчестве Л. М. Леонова 1920-х годов // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 4. С. 312–323. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12905. EDN: CZDJBY

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12905

EDN: CZDJBY

The Motif of Temptation in the Works of L. M. Leonov in the 1920s

Alena O. Zadorina

Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russian Federation)

e-mail: amaltea-20x@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the motif of temptation, which goes back to the texts of the Holy Scriptures, in the early novels of L. M. Leonov, representing the combination of the symbolic aesthetics and the completion of social realistic discourse. The components of the biblical story plot about the Temptation of Christ in the desert were identified, analyzed and compared with their version in L. M. Leonov's texts using the structural-typological method and the method of motif analysis. The emphasis is on the allomotives of temptation by pride and power and on the related motives of falling/flight, the images of the abyss and the demon-tempter. In the process of analysis, the internal connections of the motif in question with other biblical stories (e.g., the Tower of Babel, christening, the prodigal son) were revealed, which allows us to assess the specifics of the artistic concept. As a result, despite the writer's obvious reliance on the biblical story through indirect and partial quoting and repetition of actions, the author largely deviates from the very tone of religious discourse, replacing it with an ironic one, which is carried out using travesty, hyperbolization and grotesque. However, a number of the author's artistic innovations in the treatment of the Holy Scripture plots still retains a connection with the original source, as a result of which the text is read and recognized by a knowledgeable reader through allusions, reminiscences and variations on the theme of the pretext. All of the above becomes a guide to one of the key ideas in Leonov's work — the idea of cognition.

Keywords: L. M. Leonov, biblical text, parable, self-sacrifice, motif, motif of temptation, motif of test of faith, motif of abundance, motif of dream, motif of construction, image of hero-tempter, irony

For citation: Zadorina A. O. The Motif of Temptation in the Works of L. M. Leonov in the 1920s. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2023, vol. 21, no. 4, pp. 312–323. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12905. EDN: CZDJBY (In Russ.)

Мотив искушения является одним из типичных для древнерусской агиографии и религиозного искусства в целом. Логически он связан с мотивом аскезы, так как сам смысл искушения подвергает сомнению необходимость намеренного отказа от земных благ. Значимость мотива обусловлена его функцией — испытание веры, «искушение рассматривается как испытание для духа, двигатель праведности и внутренней силы» [Коноваленко: 359]. Смысл испытания раскрывается в действенной реакции героя на него, то есть герой преодолевает или не преодолевает затруднение. На этом этапе мотив может обрастать дополнительными значениями в конкретном тексте (*алломотивами*, см.: [Путилов]), которые и формируют семантическое ядро мотива [Силантьев: 44]. В библейском сюжете об искушении Христа в пустыне Спаситель проходит испытание голодом, гордыней и властью — данные этапы духовного испытания представлены и в судьбах героев Л. М. Леонова¹.

Воплощение и трансформация мотива искушения-испытания в произведениях Л. М. Леонова позволяют предположить характер взаимоотношений писателя с ортодоксальным православием. Для Леонова во главе угла всегда стоит человек — сложный, многогранный, противоречивый. Этот человек не вписывается в прокрустово ложе догм, он зачастую становится нарушителем Божьих заповедей, но лишь потому, что ему самому нужно их открыть. К вере леоновский герой приходит (если приходит), только пройдя тернистый путь собственных заблуждений. Именно поэтому мотив искушения является ключом к образам многих героев Леонова: живой человек может и должен искушаться, в этом искушении и есть познание жизни (см.: [Задорина, 2020а, b; 2021]). В «Пирамиде» Л. М. Леонов пишет о своей непреходящей тяге как художника, мастера, исследователя к проблеме искушения-испытания:

«...почему так пресен хлеб богача, почему не совратили святого Антония первоклассные прелести адских женщин, почему все

¹ Заметим, что искушение может исходить не только от дьявола, но и наоборот — от Бога к человеку — с целью проверить его духовную силу, в частности, о таких искушениях пишет в Соборном Послании ап. Иаков (см.: [Отпущенников]). В данной статье эту категорию искушений мы не рассматриваем.

обольщения цивилизации не могут заглушить в нас тоски о некоем блаженном прадетстве»?²

В центре нашего внимания разработка в леоновских романах 1920-х гг. мотива искушения как испытания веры, связанного с выбором пути, духовной аскезой и отчаянием, движением к Богу или в бездну. Один из самых выразительных примеров искушения гордыней и властью представлен в романе «Барсуки» (1923–1924) в притче о Калафате. Этот вставной эпизод часто становился предметом исследования³. Н. Л. Леонова (дочь писателя) описала творческую историю создания данного сюжета (см.: [Леонова]) и опубликовала его первоначальный вариант и дальнейшие редакции. Интерпретация притчи о неистовом Калафате как крестьянской версии библейского сказания о Вавилонской башне, весьма популярного в искусстве 1920-х гг. (см.: [Вахитова: 166]), давно стала общим местом. Соглашаясь с мнением ученых, мы лишь дополним его мотивным анализом событий, происходивших в эпизоде до начала чудесного строительства. Очевидно, что сам мотив строительства башни становится завуалированной формой мотива искушения — человек искушается возможностью стать демиургом. Однако этот мотив задается и в другой части притчи, предшествующей повествованию о башне.

Само имя Калафат («до всего доберусь») уже намекает на амбиции его носителя, и действительно, Калафат претендует на статус вседержителя. Первое действие Калафата — перепись всего сущего на земле, что соотносится с первыми действиями Адама, первочеловека:

<i>Калафат</i>	<i>Адам</i>
«На рыб поставил он клейма, птицам выдал пачпорта, каждую травину записал в книгу» ⁴	«И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (Быт. 2:20)

² Леонов Л. М. Пирамида: в 2 т. М.: Голос, 1994. Т. 1. С. 582.

³ См. след. работы: [Семенова], [Вахитова], [Якимова].

⁴ Леонов Л. М. Барсуки // Леонов Л. М. Собр. соч.: в 6 т. / вступ. ст. З. Прилепина. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 1. С. 648.

Действие Калафата повторяет действие Адама — оба направлены на то, чтобы закрепить явление в Книге Жизни при помощи слова, обратить хаос в космос; различие лишь в форме — изначально устной, у Калафата — письменной. Тем самым Калафат как бы заново начинает историю бытия человека на Земле. В начале Бог создает Словом мир (первый ономатет в христианской традиции), затем Адам создает слова для описания этого мира (первый ономатет среди людей, второй после Бога), после Калафат составляет перепись всего в мире (первый ономатет-чиновник). Встречаются интересные трактовки приведенного библейского эпизода, которые не только дают его буквальное прочтение, но и уточняют возникшую при этом картину мира. Так, например, еп. Виссарион замечает:

«Обозревая животных и нарекая им имена, Адам не встретил между ними ни одного, **с которым бы мог разделить владычество** над земными тварями, предстоявшие ему труды телесные, также мысли и чувства»⁵.

Получается, что и для Адама, и для Калафата мотив обретения власти над другими явлениями мира воплощается через мотив именования, однако в леоновском тексте этот процесс получает ироническую окраску, ведь у зверей, птиц, трав уже были имена, но теперь им зачем-то выдают новые, что приводит к путанице:

«Медведь и тот чахнет, не знает, человек он или зверь, раз пачпорт ему на руки выдан»⁶.

Лишенный возможности стать демиургом и даже ономатетом в высшем смысле этого слова (имена, данные ономатетом, неразрывно связаны с предметами и даже могут заменять их [Донских]), Калафат предлагает формальную ономатопию (связь между именем и явлением редуцируется до номера в списке). Он выдает бессмысленные паспорта, которые вместо создания космического порядка приводят к хаосу, то есть в каком-то смысле действия Калафата обратно противоположны действиям Адама и Бога.

⁵ Бытие // Экзевет.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://ekzeget.ru/bible/bytie/glava-2/stih-20/> (28.06.2023).

⁶ Леонов Л. М. Барсуки. С. 649.

В «Провинциальной истории» (1928) мотив искушения гордыней связан через сему падения с суицидальным мотивом. Василий Прокопич, отчаявшийся в блудном сыне его Андрее, видит освобождение от этой ситуации в самоубийстве, но свое намерение ни от кого не скрывает, напротив, все вокруг («Тут-то я и сообщил... <...> — Налька уже говорила...»⁷) знают, что это из-за Андрея. Демонстративность жеста подкреплена мотивом пари, самопожертвование превращается в игру, лежащую в основе любого искушения:

«— Он страдалец по преимуществу... по профессии, — глумился он над отцом. — Такой не прыгнет!

— Василий Прокопич **поспорил** с Полуектом на три тысячи, — сделал я нажим на сумме Андреевой растраты.

Он вздрогнул и задумался.

— Тогда, пожалуй, и прыгнет... — В лице его, впрочем, не приметить было огорчения; вскоре он покинул нас» (здесь и далее выделено мной. — А. З.) (99).

Так мотив публичного самопожертвования становится вариантом искушения гордыней: Пустыннов-старший, сообщив Андрею через разных людей, какую цену он, его несчастный отец, может заплатить за сыновние прегрешения, еще более возвышает себя над блудным сыном. Структурное единство леоновского сюжета и фабулы библейского текста прослеживается и в продолжении повести. В Евангелии от Луки читаем:

«И повел Его в Иерусалим, и поставил Его на крыле храма, и сказал Ему: если Ты Сын Божий, **бросься отсюда вниз**, ибо написано: "Ангелам Своим заповедает о Тебе сохранить Тебя; **и на руках понесут Тебя**, да не преткнешься о камень ногою Твоею"» (Лк. 4:9–11).

У Леонова евангельский текст включен в размышление о сути чудес (а точнее, об их отсутствии) в редуцированном виде, но сохранившем узнаваемые компоненты:

«— Для чего живем, у каких стен плачем, какую скуку питаем собою!.. В окаянстве живем, а свет где? Хха, **прыгни, а ангелы поддержат тя**. Попробуй, прыгни...» (96).

⁷ Леонов Л. М. Собр. соч.: в 6 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 3. С. 99. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

Если Иисус отвергает дьявольское искушение, то Василий Прокопич поддается ему. Герой собирается броситься с обрыва, но главное в этом намерении не отчаяние, не желание покончить со страданиями земной жизни, а надежда на то, что «на руках понесут» — что сын придет и остановит его. Однако Андрей не поддается искушению стать спасителем отца, и на Чудиловом обрыве Василий Прокопич встречает только рассказчика. Очевидно, что отец блудного сына может чаять воскрешения мертвых (т. е. раскаяния сына), но не может заставить полюбить себя через манипуляцию, искушение.

В романе «Соть» (1928–1929) искушение властью и гордыней показано в эпизоде сна казначея Вассиана. Будучи одним из самых активных монахов в скиту, Вассиан мечтает о контрастной перемене своей роли в мире. Он простой казначей, все свободное время выращивает овощи, рассказчик с улыбкой отмечает их «ошеломительные размеры» (185) и запах. Но, по собственному мнению, Вассиан достоин большего, и даже овощи у него чуть ли не божественного происхождения:

«— Неслыханно, — дивился не раз Ипат Лукинич, председатель из Макарихи, любитель чинной беседы. — Это уже не редька, а целый продукт!

— Нет, — себе на уме улыбался Вассиан, поглаживая хвостатого своего **младенца**» (185).

Известный канонический образ Мадонны с младенцем, вдохновлявший художников Ренессанса, Леонов травестирует, заменяя его фигурой попа с огромной редькой в руках. Однако, как мы знаем из существующих биографий Леонова, писатель был человеком весьма остроумным, и подобный маневр был вполне в его духе. Мечты Вассиана о возвышении над прочими иноками показаны и в его сне через мотив изобилия, которое несомненно наступит благодаря ему (жирным шрифтом выделены ключевые понятия):

«Мнятся ему обширные пространства вырубленного леса, а на них цветут **благолепные монастырские палаты**. Возглавляет их шатровая колоколенка, видная из четырех волостей, **строенная по собственной его, Вассиановой, причуде**. Кружевные яруса легко взбегают вверх, аверху развешаны колокола, басовитые деды со звонкими внучатами. И будто бы в знойное утро Духова дня, напоенное

колокольным плеском и птичьим щебетом, ждет обитель губернаторского приезда... <...> **Сам он, Вассиан**, стоит у ограды, прямо против паперти, слаженной из кованого рисунчатого чугуна, и **зорко блюдет порядок и благочиние**... И будто всех он знает по имени-отчеству, и его тоже знают все. Потом ветроподобно проскакивают взмыленные кони, и вот сам губернатор, сверкая сановной чешуей, сходит из коляски на хрусткий, незатоптанный песок. Он улыбается, и все улыбаются ему, и **даже могучий архангел, который в огненных сапогах изображен на стене собора, смягчает свой немилосердный, темный лик**» (184).

Итак, сон формирует картину изобилия, противоположного нищете скита, и причина этого изобилия, типичного для изображения Царствия Небесного, кроется в самом Вассиане: через его творчество, через его надзор Бог открывает вход в Царствие до Страшного суда. Однако этот вход не для живых — и сон заканчивается прозрением казначея о грядущей смерти.

Искушение гордыней и властью тесно связано с мотивом полета — вспомним, как Сатана предлагает Иисусу броситься вниз, и если Он действительно Сын Божий, то не погибнет, а полетит, несомый крыльями ангелов (Лк. 4:9–11). Мотив соблазнительного полета звучит в горделивых мечтах казначея:

«Воистину краше Соти не обрести было Вассиану места на земле. Огромными пространствами владел здесь глаз; они порождали пугающее желание подняться над ними и **лететь**» (187–188).

Однако не имеющий вечной жизни погибнет, а имеющий — вознесется. Помимо глагола *лететь* мотив воплощается через бинарную оппозицию *верх/низ*. Манящая мечта сопряжена с тематическими единицами, указывающими на верх:

«**Возглавляет** их шатровая колоколенка, видная из четырех волостей, строенная по собственной его, Вассиановой, причуде. Кружевные яруса **легко взбегают вверх**, а **вверху** развешаны колокола, басовитые деды со звонкими внучатами» (184).

При этом сам Вассиан стоит внизу, по-прежнему в миру, хотя и окруженный почестями и даже удостоенный снисхождения архангела. Возможность продвижения снизу вверх показана, следуя логике евангельского сюжета об искушениях, через включение в эпизод мотива изобилия: множество земель, лесов

(которые нужно вырубить для строительства палат и не только) даст герою изобилие власти и славы.

Интересно, что именно Вассиану, алчущему возвышения над прочими иноками, является бес-искуситель. Рассказчик подчеркивает, что происходит это как бы по заказу самого монаха, а не по дьявольскому наущению:

«...и скорбел сильно, что никогда не доводилось ему встретить беса и сразиться с ним» (186).

Однако автор ломает традиционную фабулу встречи святого с искушающим дьяволом — бес даже не пытается соблазнять Вассиана богатствами, властью, он просто смеется над его Геракловым трудом (Вассиан чистит выгребные ямы) и исчезает. Эта ситуация свидетельствует о том, что никакой борьбы уже не происходит, скит давно сдал позиции, и демону не нужно никого переманивать на свою сторону. Леонов, будучи приверженцем приема обыгрывания говорящих имен и фамилий, наделяет явившегося беса именем, которое мы не встретим ни в одном реестре, — Бумага. Бумага побеждает Священное Писание — материя побеждает дух, место скита займет коммунистическая стройка, дьявольское искушение сменяется атеизмом.

Итак, в романном творчестве Л. М. Леонова реализуются такие варианты мотива искушения, как искушение властью и гордыней. Как и в библейском первоисточнике, у писателя данные варианты сцеплены с мотивом полета и его противоположным по модальности вариантом — падением. Герои, сталкивающиеся с искушением, обладают особым социальным статусом, т. е. они воплощают основу основ и Закон: например, отец, правитель, священник и др. Несмотря на ряд художественных инноваций автора в обработке сюжетов Священного Писания, связь с первоисточником сохраняется, прочитывается и распознается знающим читателем через аллюзии, реминисценции, вариации на тему претекста [Гимранова: 59], становясь при этом проводником к одной из ключевых идей в леоновском творчестве — идее познания.

Список литературы

1. Вахитова Т. М. Художественная картина мира в прозе Леонида Леонова: структура, поэтика, эволюция. СПб.: Наука, 2007. 317 с.
2. Гимранова Ю. А. Методика интертекстуального анализа художественного произведения на филологическом факультете // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. № 3. С. 55–66. DOI: 10.25588/CSPU.2019.66.57.004
3. Донских О. А. Рефлексия над языком в историческом контексте [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000954/st002.shtml> (28.06.2023).
4. Задорина А. О. Мотив искушения в романистике Л. М. Леонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 3. С. 12–16 [Электронный ресурс]. URL: <https://philology-journal.ru/article/phil20200162/fulltext> (28.06.2023). DOI: 10.30853/filnauki.2020.3.3 (a)
5. Задорина А. О. Мотив искушения в романе Л. М. Леонова «Вор» // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 68. С. 258–266 [Электронный ресурс]. URL: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2041&article_id=46053 (28.06.2023). DOI: 10.17223/19986645/68/12 (b)
6. Задорина А. О. Ева, Магдалина, самаритянка... (К типологии женских образов в романе Л. М. Леонова «Вор») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 9. С. 108–116 [Электронный ресурс]. URL: <https://nguhist.elpub.ru/jour/article/view/793> (28.06.2023). DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-9-108-116
7. Коноваленко Ю. В. Концепт «искушение» в русской языковой картине мира (на материале анализа номинанта концепта в христианской и секулярной этике) // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5 (96). С. 358–361 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-iskushenie-v-russkoj-yazykovoy-kartine-mira-na-materiale-analiza-nominanta-kontseptov-v-hristianskoj-i-sekulyarnoj-etike/viewer> (13.06.2023).
8. Леонова Н. Л. Притча о Калафате // Поэтика Леонида Леонова и художественная картина мира в XX веке. СПб.: Наука, 2002. С. 10–18.
9. Отпущенников Ю. А. Тема искушений в соборном послании апостола Иакова // Актуальные вопросы церковной науки. 2022. № 1. С. 94–96.
10. Путилов Б. Н. Веселовский и проблемы фольклорного мотива // Наследие Александра Веселовского: исследования и материалы. СПб., 1992. С. 74–85.
11. Семенова С. Г. Романы Леонида Леонова 20–30-х годов в философском ракурсе // Век Леонида Леонова: проблемы творчества. Воспоминания. М.: ИМЛИ РАН, 2001. С. 23–57.
12. Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
13. Якимова Л. П. Вводный эпизод как структурный элемент художественной системы Леонида Леонова. Новосибирск: Изд-во Сибирского отд-я РАН, 2011. 250 с.

References

1. Vakhitova T. M. *Khudozhestvennaya kartina mira v proze Leonida Leonova: struktura, poetika, evolyutsiya* [Artistic Picture of the World in Leonid Leonov's Prose: Structure, Poetics, Evolution]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 317 p. (In Russ.)
2. Gimranova Yu. A. The Technique of Intertextual Analysis of a Work of Art at the Faculty of Philology. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [The Herald of South-Ural State Humanities-Pedagogical University], 2019, no. 3, pp. 55–66. DOI: 10.25588/CSPU.2019.66.57.004 (In Russ.)
3. Donskikh O. A. *Refleksiya nad yazykom v istoricheskom kontekste* [Reflection Over Language in the Historical Context]. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000954/st002.shtml> (accessed on June 28, 2023). (In Russ.)
4. Zadorina A. O. The Motif of Temptation in L. M. Leonov's Novelistics. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2020, vol. 13, no. 3, pp. 12–16. Available at: <https://philology-journal.ru/article/phil20200162/fulltext> (accessed on June 28, 2023). DOI: 10.30853/filnauki.2020.3.3 (In Russ.) (a)
5. Zadorina A. O. The Motif of Temptation in Leonid Leonov's "The Thief". In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2020, no. 68, pp. 258–266. Available at: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2041&article_id=46053 (accessed on June 28, 2023). DOI: 10.17223/19986645/68/12 (In Russ.) (b)
6. Zadorina A. O. Eve, Magdalina, Samaritanian... (to the Typology of Female Images in the Novel of L. M. Leonov "The Thief"). In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2021, vol. 20, no. 9, pp. 108–116. Available at: <https://nguhist.elpub.ru/jour/article/view/793> (accessed on June 28, 2023). DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-9-108-116 (In Russ.)
7. Konovalenko Yu. V. Concept "Temptation" in the Russian Linguistic World View (Study of Its Notional Part Within Christian and Secular Ethics). In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 2022, no. 5 (96), pp. 358–361. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-iskushenie-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira-namateriale-analiza-nominanta-kontsepta-v-hristianskoy-i-sekulyarnoy-etike/viewer> (accessed on June 13, 2023). (In Russ.)
8. Leonova N. L. The Parable of Calafate. In: *Poetika Leonida Leonova i khudozhestvennaya kartina mira v XX veke* [Poetics of Leonid Leonov and the Artistic Picture of the World in the 20th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, pp. 10–18. (In Russ.)
9. Otpushchennikov Yu. A. The Theme of Temptations in the Epistle of the Apostle James. In: *Aktual'nye voprosy tserkovnoy nauki* [Current Issues of Church Science], 2022, no. 1, pp. 94–96. (In Russ.)

10. Putilov B. N. *Veslovsky and the Problems of Folklore Motif*. In: *Nasledie Aleksandra Veselovskogo: issledovaniya i materialy* [The Works of Alexander Veselovsky: Research and Materials]. St. Petersburg, 1992, pp. 74–85. (In Russ.)
11. Semenova S. G. Leonid Leonov's Novels of the 1920s and 1930s in a Philosophical Perspective. In: *Vek Leonida Leonova: problemy tvorchestva. Vospominaniya* [The Age of Leonid Leonov: Problems of Works. Memories]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001, pp. 23–57. (In Russ.)
12. Silant'ev I. V. *Poetika motiva* [The Poetics of Motif]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 296 p. (In Russ.)
13. Yakimova L. P. *Vvodnyy epizod kak strukturnyy element khudozhestvennoy sistemy Leonida Leonova* [The Introductory Episode as a Structural Element of Leonid Leonov's Artistic System]. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011. 250 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Задорина Алена Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 82 А, г. Красноярск, Российская Федерация, 660041); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6185-4750>; e-mail: amaltea-20x@yandex.ru

Alena O. Zadorina, PhD (Philology), Associate Professor of Department of Culturology and Art Studies, Siberian Federal University (pr. Svobodny 82 A, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6185-4750>; e-mail: amaltea-20x@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 11.08.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 04.10.2023

Принята к публикации / Accepted 15.10.2023

Дата публикации / Date of publication 21.11.2023